

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

«Я БОЛЬШЕ НЕ БУДУ»
ИЛИ ПИСТОЛЕТ
КАПИТАНА
СУНДУККЕРА

Сказки капитанов

Владислав Крапивин

**«Я больше не буду» или
Пистолет капитана Сундуккера**

«Автор»

1996

Крапивин В. П.

«Я больше не буду» или Пистолет капитана Сундуккера /
В. П. Крапивин — «Автор», 1996 — (Сказки капитанов)

Чудеса происходят сплошь и рядом, с самыми обыкновенными мальчишками и девочками. Если, конечно, они этого захотят, и фраза: `Я больше не буду` — окажется не обычными словами провинившегося мальчишки, а названием парусника, которым когда-то командовал капитан Фома Сундуков, он же — Томас Сундуккер, один из героев повести, входящей в цикл «Сказки о парусах и крыльях».

© Крапивин В. П., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Всякие неприятности	5
Генчика похищают	14
Старший спасатель Кубриков	23
Как зовут бригадину	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владислав Крапивин
«Я больше не буду»
или
Пистолет капитана Сундуккера
Повесть – сказка

*Моему другу
капитану дальнего плавания
Захару Липищу
на память о нашей
парусной молодости*

Всякие неприятности

1

Всю ночь по дворам гавкали собаки. Наверно, снова над огородами болтался неопознанный летающий объект. Генчик часто просыпался, но в окошко не смотрел – надоело. Натягивал на голову простыню, чтобы поскорее опять уснуть.

Мать с отцом, видимо, тоже спали плохо. Утром они поругались. Не сильно, а так, в обычном режиме. Потом отец ушел в свои мебельные мастерские, а мать стала готовиться к стирке. И, конечно, ворчала на «всю эту распроклятую жизнь, от которой лучше бы уж прямо на тот свет».

И в это время ей добавила досады Прекрасная Елена.

– Мама, в нижнем ящике комода кусок тюля лежал! Куда девался?

– Здрасьте! Я его еще весной Марье Даниловне отдала, для кухонной занавески...

– Ну, что ты наделала!!! Я хотела из него накидку сшить! С блестками! А теперь как быть?!

– Спихватилась! У всех наряды давно готовы, а ты все еще телишься...

– Да! Потому что с вами тут... Ни рубля, ни лоскутка лишнего!... Люди-то на сцену в шелках пойдут, а я в тряпье. Да и того не найдешь!..

Вообще-то Ленка была красивая. Но когда она принималась скандалить, нос у нее краснел и набухал. В такие моменты у Генчика не было к старшей сестрице никакой жалости.

Прекрасная Елена готовилась к ежегодному конкурсу «Мисс Утятино». В поселковом Доме культуры. Тот, кто победит, получит право участвовать в конкурсе «Мисс Белорыбинск». Белорыбинской «мисс» открывалась возможность бороться за титул «Мисс Загорьевская область». А дальше конкурсы «Мисс Вся Страна» и – если уж очень повезет – «Мисс Весь Белый Свет».

На самый громкий титул Елена не очень рассчитывала. Но на победы в поселковом и городском масштабах надеялась. Отец хмыкал и говорил, что «Мисс Утятино» звучит так же, как «графиня де Кривопяткина» или «маркиз Васька де Портянкин». Елена в ответ стреляла негодующими взглядами. И сотый раз перекраивала свой конкурсный наряд.

Моды менялись почти ежедневно, и с каждой перекройкой Ленкино платье становилось все короче. По правде говоря, это уже не платье сделалось, а что-то вроде купальника с блестками. И блесок на нем было больше, чем материи.

– У кого это «все готово»? – кричала матери Ленка. – Если хочешь знать, все до последнего часа костюмы переделывают! А я хотела вообще шить заново, потому что мои лохмотья годятся только, чтобы милостыню просить на вокзале!... – Нос у Ленки набух еще больше.

Генчик не выдержал:

– Мама! У меня где-то бескозырка была! Помнишь, с ленточкой, на которой написано «Космонавт»?

– Тебя мне еще не хватало!... Зачем она тебе? Это дошкольничья бескозырка, в таких только в детский сад ходят!

– Не мне, а Елене. Пусть возьмет ленточку. По нынешней моде ее как раз хватит на юбку...

Генчик увернулся от брошенной в него Ленкиной босоножки. Ушел на кухню. Там он сунул палец в банку с остатками клюквенного варенья, мазнул красным соком по коленке и стал заматывать ее заранее припасенным бинтом.

Елена с матерью тоже появились на кухне.

– Что с ногой-то? – сердито забеспокоилась мама.

– Ерунда. Маленько царапнул.

– Врет он, мама! Это он куда-то на трамвае собрался. Ногу бинтует, чтобы бабкам место не уступать. «Сиди, милый, сиди, у тебя ножка болит...»

– Мам, врёт она!

– Вру, да? А чего палец лижешь? Кровавую рану клюквой рисовал!

– Я щас тебе тоже кровавую... Мама, чего она пристаёт!

Мать махнула рукой: мне бы, мол, ваши заботы. Но все же спросила:

– А куда это ты на трамвае настропалился?

– В «Юный техник». Там цветные проводочки продают, уцененные. Совсем почти даром...

– Опять будет своих шкелетиков плести, – подыела Елена. – И так они по всем углам, мусор один...

– Тебя не спросил!

Генчик мастерил из цветных проводков не «шкелетиков», а разноцветных человечков. Они были у Генчика и акробатами в цирке (где тарелка вместо арены), и космонавтами в пластмассовом звездолете, и солдатами в картонной крепости. И жителями большого города, который Генчик строил за сараем, на краю огорода. И каждый знал свое место, зря Елена болтала, что они по всем углам...

Генчик показал сестрице язык.

– Про ленточку не забудь... Мама, я пошел!

– Стой! Надень чистую рубашу, смотри, майка вся перемазанная...

И мама принесла новую рубашку – ярко-синюю, с крупными белыми горошинами.

– Ну вот, хоть немного стал на человека похож...

– На пугало он похож. Хоть в какой рубаше, все одно, – сообщила Елена.

Генчик опять старательно высунул язык. Ленка опять сняла босоножку. Мать прикрикнула на обоих. А Генчику велела:

– К обеду будь дома! Поможешь белье развешивать.

– Есть, товарищ вице-адмирал!

2

Стычка с Прекрасной Еленой не испортила Генчику настроения. К тому же он умел им управлять, настроением-то. И за дверью Генчик сразу включил в себе песенку:

Ты – ковбойша, я – ковбой,
Поженились мы с тобой.
На двоих одна кобыла
И свод неба голубой...

Под эту бодрую мелодию проскакал он со второго этажа на двор, оттуда – за сарай, где в лопухах было спрятано оружие: ржавый кухонный тесак в ножнах из картона, обвитого изолентой.

Генчик сунул тесак за пояс. Точнее, за резинку на шортах. Поправил, чтобы ножны не торчали из короткой штанины. Хорошо, что рубашка навывпуск, рукоятку под ней не видать. Совсем ни к чему каждому встречному знать, что Генчик вооружен.

Между грядками с цветущим картофелем Генчик пробрался к изгороди, перелез через жерди (нож мешал, но не очень). И оказался на улице Кузнечной.

Почему дали улице такое имя, никто не знал, сроду тут не было кузниц. Были только старые деревянные дома – одноэтажные и двухэтажные – да кирпичное здание поселковой поликлиники.

Генчик это здание не любил: там ему несколько раз лечили зубы. В семь лет у него разом вывалились два передних зуба, а новые росли неохотно. Один вообще не вырос, хотя весной десять лет стукнуло человеку. А другой вырос, но криво. Его пытались выровнять, но без успеха. Генчик иногда расстраивался, глядя в зеркало. А Елена (когда была в хорошем настроении) говорила:

– Не горюй, у тебя очень обаятельная улыбка. Оригинальная...

На косогоре у поликлиники паслась пожилая коза домохозяина Перфильева. Всем знакомая. Семена одуванчиков липли к ее мокрому носу, и она мотала головой.

– Козимода, привет! – Генчик почесал ее кудлатый бок. – Ну как, не разучилась еще разговаривать?

– Уме-ею, – отозвалась Козимода и задним копытом поскребла за ухом. Подумала и вздохнула: – Только неохота...

– Ну и правильно. Чего зря людей потешать...

Способность к человеческой речи появилась у Козимоды этой весной. Сперва был переполох, который называется «сенсация». Даже дядьки с телекамерой приезжали, собирались снять Козимоду для передачи «Хотите – верьте, хотите – нет». Но домохозяин Перфильев не разрешил:

– Потому как основная козья функция – давать молоко. А что она языком болтать научилась, так это, извините, ее лично дело. А если вам нужна научная загадочность, то снимайте НЛЮ, их вон каждый вечер приносит нелегкая...

Впрочем, Козимода не очень-то болтала языком. Была она сдержанная и скромная.

– Ну, пока, – сказал ей Генчик. И вприпрыжку двинулся дальше. Бинт был намотан не туго, скакать не мешал. Только нож приходилось придерживать.

Тра-та-та и тра-та-та,
Жизнь такая красота —
Для ковбоя, для ковбойши,

Для кобылы без хвоста!

Рано утром прошел дождик, было не жарко и пахло тополями.

До трамвайной остановки путь не близкий. Но все же и не такой далекий, как раньше. Потому что в начале мая появился новый мост через Утятинский овраг и речку Утятинку, которая журчала в этом овраге.

Неизвестно откуда взялась там большая металлическая труба – около метра в диаметре и метров пять длиной. Наверно, ее потерял какой-нибудь «КамАЗ» с прицепом, когда проезжал по краю оврага. Труба скатилась с откоса и улеглась в русло Утятинки. Ну, просто подарок с неба!

Парни из кооператива «Динозавр» пригнали в овраг бульдозер и нагребли над трубой насыпь из земли и гравия, получилась дамба. А Утятинка довольно журчала внутри металлического жерла.

Дамбу выровняли, сделали из березовых жердей перила. Можно стало с берега на берег и пешком ходить и даже ездить на легких машинах.

Поселковое начальство сперва ругалось. Потому что, во-первых, никто не разрешал такого строительства. А во-вторых, будущей весной Утятинка разольется так, что дамбу разнесет.

Но до будущей весны было далеко, а пока все жители заовражной стороны Уятинки радовались: не надо топать несколько лишних кварталов, чтобы добраться до большого моста. Дамба выводила прямо к подъему на Кленовую улицу, а там два шага до трамвайной линии...

На кобыле мы вдвоем
Гарцевать не устаем.
Я ковбой, а ты ковбойша,
И про это мы поем...

Генчик прогарцевал через дамбу, но по Кленовой улице не пошел. Свернул в Кошачий переулок, что тянется вдоль оврага. Кроме поездки в «Юный техник» было у Генчика еще одно важное дело.

Он собирался расчистить посадочную площадку.

Генчик любил летать. Этому научился в мае, когда впервые прогулялся по Кошачьему переулку. До той поры как-то не приходилось здесь бывать: дамбы-то не было, и Генчик в эти места не заглядывал.

В Кошачьем переулке Генчику понравилось. Вокруг были дома с затейливыми надстройками и крылечками. Немоощная дорога петляла среди палисадников. Вела она под горку. Ездили здесь только легковушки да мотоциклы местных жителей. И, конечно, ездить им приходилось осторожно, потому что на самом краю оврага дорога делала поворот. Если не свернешь вовремя – сразу под откос. И не помогут врытые над откосом столбики.

Разумеется, машины и мотоциклы сворачивали. А Генчик – нет!

Он выходил в этот пустынный переулок, говорил себе «внимание, старт!» и мчался под уклон. Встречный воздух отбрасывал у него похожие на желтые стружки (как у Буратино) волосы. Холодом обдувал ноги. Рвал подол и рукава рубашки. Нарастающая скорость подносила Генчика к откосу, а там – вниз. И вот оно, сладкое замирание полета! И страх, и радость!..

Впрочем, страха с каждым разом становилось меньше. Склон – крутой, но ровный, с мягкой смесью песка и сухой глины – после нескольких метров свободного падения принимал на себя резвого мальчишку. Словно добродушный великан ловил на ладонь кузнечика.

Правда, «кузнечик» после этого приходилось из штанов, рубашки и волос вытряхивать песок и крошки, ну да это совсем пустяковая плата за счастье окрыленности...

Но на этот раз Генчик не стал разбегаться. Он подошел к столбикам, присмотрелся и съехал по осыпи осторожно. К зарослям травы-двухвостки.

Это такой сорняк, похожий на бурьян, но с гроздьями сухих семян. Семена очень похожи на двухвосток. Знаете, есть такое домашнее насекомое, столь же пакостное как тараканы и мокрицы. У семян, как этих двухвосток, на конце два коротеньких жальца. Ими семена так вцепляются в одежду, что потом отрываешь их целый день. В голую кожу они не впиваются, только чуть-чуть покусывают. Сперва поскребешь и забудешь. Но часа через два появляются красные пупырышки и начинается такая чесотка, что никакого терпения. И главное – надолго. Ночью лежишь и дергаешь ногами, будто едешь во сне на велосипеде...

В прошлый раз Генчик еле увернулся от опасности. Оказалось, что трава-двухвостка разрослась в сплошную чащу и подобралась к нижнему краю осыпи. Еще чуть-чуть и было бы такое приземление, что ой-ей...

Ну ничего, сейчас он наведет порядок.

Генчик извлек из чехла ржавый, но с отточенным краем клинок. Примерился. Изогнулся, словно лихой казак в седле, и несколько стеблей под самый корень – ж-жик!

...– Эй ты, похожий на чайник! Чего там развоевался!

Чуть в стороне от поворота дороги нависал над оврагом обшитый серыми досками дом. Острый угол дома выдавался в пустоту и его подпирали просмоленные балки. У этого дома, держась за кривой оконный ставень, стояла тощая девчонка. С растрепанными темными косами и торчащими ушами. В пятнистом желто-малиновом платице. Снизу было видно, какие у нее красные в белую полоску трусики и длинные поцарапанные ноги.

И вся она была длинная. Наверно, на голову выше Генчика. Ссориться не имело смысла. И Генчик миролюбиво уточнил:

– Это почему же я «похожий на чайник»?

– А вот так! У нас на самоваре такой чайник есть! Синий с белыми кружочками.

Генчик не придумал, что ответить. Почесал рукояткой ножа подбородок. И все так же мирно спросил:

– Ну и что?

– Да ничего... А траву не трогай!

– Она твоя, что ли?

– Она общая! И моя тоже! Раз под нашим домом растет!

– От вашего дома тут еще десять метров!

– А хоть тыща! Говорят, не трогай!

Генчик и не трогал больше, но девчонка сжала губы и скользнула вниз (цветное платице взлетело до локтей). Съехала по глине на своих босоножках, как на лыжах. И вот она – перед Генчиком. Решительно смотрит сверху вниз. Косы торчат, оттопыренные уши грозно розовеют, в темных глазах – зеленые огоньки, как у сердитой кошки.

Ну да, у Генчика клинок, почти что меч, но не грозить же им девчонке. Конечно, она вредная и длинная, но ведь безоружная. Да и кончится это, скорее всего, так: нож она отберет, а Генчику надает по шее. Он в девчоночьих глазах прочитал именно такое намерение.

Генчик сказал рассудительно:

– Чего ты из себя десантника строишь? Прыгаешь человеку на голову! Лучше объясни нормально: почему нельзя вырубать колючки-то?

Она объяснила с ноткой сожаления по поводу мальчишкиной тупости:

– Ну, это же зелень! Она воздух очищает! Зелени на Земле все меньше и меньше, надо каждую травинку беречь!

– Ничего себе «травинка»! – Генчик машинально почесал ножом ногу. – Джунгля ядовитая! Сорняк!

– Сорняк, это если он посевам мешает! А здесь он – просто трава. Растет и никому не вредит. Может, он на тебя смотрит и тоже думает: вот сорняк...

– Трава не умеет смотреть и думать, – набыченно сообщил Генчик.

– Откуда ты знаешь? Некоторые ученые говорят, что умеет! А ты – ножом. Вдруг ей больно?

Генчик вспомнил Козимоду, жующую поросль на косогоре.

– Теперь что же? И сено не косить? И скот не кормить?... И всем помирать?

– Сено – это для пользы! А тут какая польза, если все вырубить?

– А такая! Чтобы можно было прыгать и в колючки не въезжать!

Девчонка поглядела вверх, потом на заросли двухвостки. Все поняла. Подбородком показала на Генчиков бинт:

– По-моему, ты уже допрыгался. – В голосе ее почудилась капелька сочувствия.

– Это чепуха, – мужественно заявил Генчик. – Это даже и не здесь...

– Ну а здесь когда-нибудь голову сломаешь.

Генчик мигом нашел ход для достойного отступления:

– Как же я сломаю, если ты косить не даешь? Значит, и прыгать нельзя... Ты же здесь хозяйка, с хозяевами не спорят... – Это он снисходительно так сказал. Будто взрослый, уступающий ребенку.

Длинная девчонка стала словно поменьше ростом. Глянула виновато.

– Можно ведь, наверно, и другое место найти. Для прыжков-то...

– Может, и найду, – вздохнул Генчик. – А ты... скажи, ты по правде думаешь, что траве больно, когда рубят?

Она свела маленькие пушистые брови.

– Я в этом просто уверена.

Генчик вдруг представил, как его этим вот ножом – по ногам. Это тебе не клюквенное варенье...

Он сумрачно затолкал клинок в ножны. И протянул девчонке.

– Ладно, бери...

– Зачем? – Она вроде бы даже испугалась.

– В хозяйстве пригодится. Мне-то он был нужен только вот для этого, – Генчик кивнул на заросли. – А теперь чего я буду с ним таскаться...

Девчонка неуверенно взяла «оружие».

– Им можно лучину колоть для самовара, – посоветовал Генчик. – У вас же есть самовар.

– Ага... – она неуверенно улыбнулась. И Генчик вдруг увидел, что один зуб у нее малость кривой. Как у него. И тогда он весело спросил:

– А правда у вас такой чайник есть? – И оттянул подол рубашки.

– Правда, – она заулыбалась пошире. – А что? Красивый чайник...

«Вот поглядишь на него и меня вспомнишь», – подумал Генчик. И стал глядеть вверх, на откос, потому что вдруг застеснялся.

Девочка сказала:

– Видишь ли... эта трава полезна еще вот чем. Она может разрастись и тогда укрепит эту осыпь. А то наш дом уже совсем съезжает в овраг. Он старый, еще прадедушкин.

– Не съедет. Подпорки-то вон какие крепкие, – сказал Генчик. Он по-прежнему смотрел вверх.

– А ты... если тебе нравятся всякие прыжки и полеты, приходи к нам, – тихо сказала она. – У нас на дворе качели есть, большущие. Прямо дух захватывает...

– Может, и зайду...

- Сейчас? – откровенно обрадовалась девочка.
- Сейчас не могу. Надо в магазин... Ну, пока.

И Генчик по тропинке рядом с осыпью стал легко подыматься к Кошачьему переулку. И посвистывал сквозь дырку от зуба:

Ты – ковбойша, я – ковбой,
Поженились мы с тобой...

Ему хотелось оглянуться, но он не решился. И сказал себе, что это было бы несолидно.

3

Когда-то Утятينو считалось отдельным поселком. И Окуневка, что на другом берегу Верх-Утятинского озера, была самостоятельным большим селом. Но потом они стали районами Белорыбинска. Их соединили с городом кварталы новых домов. Но не везде соединили. Кое-где между поселками и городской окраиной лежали болота, рощицы и сады с редкими дачами – как в давние времена, когда Белорыбинск был еще Краснорыбинском.

Трамвайная остановка Утятинская располагалась на пригорке, и с нее видно было, как дымит трубами, блестит стеклами многоэтажек и втыкает в небо острие телебашни городской центр. А у самого пригорка темнело камышами Тарелкино болото, где, говорят, развелась в последние годы всякая нечисть. Из-за нарушенной экологии...

Генчик передернул плечами.

Подъехал дряхлый вагончик дачной линии – он ходил от коллективных садов до кольца в Зеленом квартале. Оттуда разбегались две линии: одна Окуневская, по берегу озера, другая – Городская, в главный район Белорыбинска.

В полупустом вагоне Генчик без приключений доехал до Зеленого квартала. Здесь вокруг площади стояли девятиэтажки салатного цвета.

А на самой площади был небольшой рынок. До «Юного техника» оставалось всего два перегона по Окуневской линии. Можно бы и пешком, но не хотелось. Жарко уже было.

Пока не подошел трамвай с нужным номером «семь», Генчик бродил вдоль столиков, за которыми тетушки продавали вперемешку все на свете: помидоры и кружевные лифчики, черешню и домашние туфли, зеленый лук и старинные подсвечники... Любопытно!

Из-за любопытства Генчик и потерял бдительность. Недалеко от пивного киоска его «прихомутили» пятеро.

– Эй ты, покалеченный! Куда торопишься?

– На трамвай, – робко сообщил Генчик. Хотя понимал, что никакое смирение тут не поможет. Выходов два: или «ноги-ноги», или откупайся. И при этом все равно можешь заработать по шее.

Обступили Генчика со всех сторон.

Главным в компании был, видимо, пацан с животиком и пухлой рожей.

«Круглый», – мысленно обозвал его Генчик.

Круглый облизал толстые губы и выдохнул:

– Откуда такой? А?

– Из Утятина. Я...

– Здесь тебе не Утятينو, а Зеленка. Другое государство. Про таможенные сборы слыхал? Генчик слыхал, но ответил наивно:

– Не...

– Бестолковый, – сочувственно вздохнул высокий тонкий парнишка (с виду даже симпатичный, с волнистыми темными волосами до шеи и глазами, как сливы). Он держал в опу-

щенной руке накрытую тряпицей клетку. Интересно, кто в ней? Хотя какое там «интересно»! Смыться бы подобру-поздорову...

Еще двое пацанов – чуть постарше Генчика – в пестрых шароварах и одинаковых черных свитерах (в такую-то жару!) «пасли» пленника со спины. Лица их были без всякого выражения, как деревяшки. Такие и не запомнишь...

Еще один – ростом с Геника – стоял чуть в стороне. Смотрел словно из темных ямок – такие были у него глазницы. Молчаливый и насупленный. «Бычок», – машинально подумал Генчик.

Тот, что с клеткой, спросил, сделавши улыбку:

– Сам выложишь валюту? Или будешь дрыгаться и звать маму?

У Генчика что за валюта? Самая мелочь, чтобы купить три-четыре моточка уцененных проводков...

– Потрясти? – деловито пропыхтел один из тех, что в свитере.

Круглый масляно улыбнулся.

– Обождите... Буся, покажи ему Шкурика.

Симпатичный Буся снял с клетки тряпицу. Генчик обмер.

В клетке, сунув острый нос между проволок, шевелил усами крупный грязно-рыжий крысенок. Он стоял на задних лапах, а передними, похожими на черные обезьяньи ручки, держался за проволочные прутья. И красными глазками смотрел прямо на Генчика! Понимающе и злорадно!..

Это, конечно же, был не просто крысенок! Это был детеныш крыс-мутантов, что развелись недавно в окрестных болотах! Эти существа назывались «шкыдлы». В газетах писали, что они ужасно коварные и умные твари. Правда, один известный профессор доказывал по телевизору, что никаких шкыдл не бывает. Но как же не бывает, когда вот...

Жуть и отвращение тряхнули Генчика крупным ознобом. Он беспомощно округлил рот.

Буся томно улыбался.

– Шкурик, давай мы тебя выпустим, ты пошаришь у мальчика за пазухой, нет ли там потайного кармана с денежками... Шкурик любит таких смирных мальчиков.

Несмотря на ужас, Генчик видел и понимал все четко. Краем глаза он различил, что спасительная «семерка» уже стоит на остановке.

Пробиться бы...

Буся открыл клетку... Господи, как он может брать эту тварь в руки?!

– Я... папе скажу. Он здесь... – хныкнул Генчик. И вдруг заорал, будто отец и правда был неподалеку: – Па-па-а!!

На миг они поверили. Генчик рванулся назад, распахнул тех, кто в свитерах, и – к трамваю! Тот уже ехал. Генчик догнал, вскочил на заднюю площадку. Встал. Дышал он со всхлипами.

– Каждодневное у вас хулиганство, – сказал толстый пенсионер с удочками. – Распустили вас родители.

– А родители, они нонче сами такие же, – поддержала его тетка, которая со своей корзиной занимала на заднем сиденье два места. – Ребенку ноги пообрезает, а им и дела нет до этого...

– Вот взять бы тебя за ухо да в милицию, – увесисто произнес худой усатый дядька со множеством орденских ленточек на пиджаке. И щелкнул пальцами – будто и правда хотел за ухо.

Генчик сказал со звоном:

– Меня в милицию, да? А их... вон тех! Их куда? Пятеро на одного!

За стеклами сзади видно было, как вся компания рысью спешит за трамваем. В погоню! Буся прижимал Шкурика к рубашке. Генчик опять задрожал. Но трамвай набирал ход, враги отставали.

Общественное мнение разом склонилось в пользу Генчика.

– Вот шпана проклятая! – вознегодовала тетка с корзиной. – Загоняли ребенка! – Она поставила корзину на пол. – Ты, мальчик, сядь, а то еле на ногах держишься.

– Да ничего. Я... спасибо...

– Садись, садись, – добродушно велел дядька с орденскими планками. – Вон у тебя и нога пораненная.

Варенье давно уже просочилось через марлю и вполне создавало нужную видимость.

– Спасибо, – опять выдохнул Генчик. И скромно присел. А в трамвае пошел разговор о том, что воспитания нынче нету никакого. Отсюда кошмарный рост безнадзорности и детская преступность.

– Шагу ступить уже нельзя. У моей соседки на прошлой неделе сумку крест-накрест распорол и все акции треста «Купи-Дон» тютю...

– Куда катимся? Чем дальше, тем жутче...

– Раньше тоже всякого хватало. Но был порядок...

– А сейчас властям на все наплевать, кроме собственной зарплаты и дачи...

– Горячей воды с апреля нету...

– Вечером на улицу не выйдешь, сплошной страх...

– И жулики, и НЛЮ эти, – вставил слово пенсионер с удочками. – Позавчера в первом часу ночи этакая плоская штука размером с фонтан плюхнулась прямо на грядки. Полкан зашелся от лая. А она – фр-р! – и в небо, и нету ее... Я, граждане, про это безобразие написал статью в «Вечерний Белорыбинск», чтобы навели порядок. А редактор говорит: «Нам про такие явления печатать не рекомендуют, есть устное указание председателя горсовета, чтобы зря не будоражить общественность». Я говорю: «Да уж и горсовета никакого нету и председателя ихнего, а есть выбранная демократическим путем городская дума». А он: «Председателя нет, а указание осталось». Вот так! Пошел я тогда в эту думу...

Чем кончился разговор в городской думе, Генчик не узнал – «семерка» остановилась у «Юного техника». Генчик всем сказал «до свиданья» и, прихрамывая на всякий случай, сошел в тень тополей на улице Новомосковской.

Магазин был в просторном полуподвале. Там стояла чудесная прохлада, и Генчик под ее влиянием совсем успокоился. Повеселел. Тем более что колечки монтажных проводов в самом деле оказались на витрине. Они были самых разных цветов! И продавались почти что задаром! Потому что у них была повреждена изоляция. Для электрических приборов это опасно, а для маленьких человечков – безвредно. Ух, сколько новых жителей скоро появится в городе Генчика!

Мурлыкая про ковбойшу и ковбоя, Генчик запихал покупку в карман и направился к выходу. И... сквозь дверное стекло увидел, что злодейская компания тут как тут. И Круглый, и Буся, и Бычок. И двое в свитерах. Буся держал навесу клетку, накрытую тряпицей. Клетка рывками качалась.

Они стояли напротив дверей магазина. Шеренгой. Они терпеливо ждали добычу.

Белый свет буквально померк в глазах у Генчика.

Генчика похищают

1

Впрочем, свет померк вообще. Для всех. Из-за крыши показалась грозовая туча. Тополя с шумом пригнули верхушки. Сверкнуло, грохнуло. И тут же грянули об асфальт упругие струи.

Генчик с удовольствием смотрел, как улепетывают его недруги.

Но... они улепетнули только до трамвайной остановки. Там был широкий навес. Под навесом ежились застигнутые грозой прохожие. И вражья компания ежилась. Но, пританцовывая от долетающих брызг, все пятеро неотрывно смотрели на дверь магазина. Это Генчик видел даже сквозь частую завесу ливня.

...Ну, откуда в людях эта гадостная злобедность? Шел человек, никого не трогал, и на тебе – налетает целая стая! Как шакалы на кролика!... Ладно, если бы им просто деньги были нужны, а то ведь главная радость: поймать и поиздеваться! И как от них спасешься, чем их проймешь? Сказать, словно кот Леопольд из мультика: «Ребята, давайте жить дружно»? Вот смех-то будет – гогочущий, злорадный! Бандюги паршивые... Да еще Шкурик этот пакостный! Как они его не боятся, мерзость такую? Наверно, потому, что сами такие же... Генчик точно помрет, если к нему близко поднесут эту зверюгу...

Гроза гремела, блистала и бурлила за окнами полуподвала. Генчик бродил от прилавка к прилавку и время от времени вздрагивал. Не от грозы, а от мыслей о Шкурике... Дождь когда-нибудь кончится. Придется выйти. Не будешь сидеть в «Юном технике» всю жизнь, как политический беженец в иностранном посольстве. В конце концов наступит обеденный перерыв, и тогда уж точно: «Мальчик, ну-ка брысь!» А те не уйдут. Им такая охота – одно удовольствие.

Вместе с Генчиком бродили по магазину те, кого застала здесь гроза. И среди них – высокая старуха. На старухиной одежде темнели следы капель – она появилась, когда уже начался дождь. Может быть, поэтому длинное лицо старухи было недовольным. Глаза ее блестящими квадратными очками раздраженно метались. Она что-то хотела купить в отделе канцтоваров, но сразу поругалась с молоденькой продавщицей, пригрозила «взять жалобную книгу» и отошла, стуча каблучками.

Походка у старухи была как у Петра Первого. Держалась она прямо, словно к позвоночнику ей привязали палку от швабры. Была у старухи и настоящая палка – узловатая отполированная трость. Коричневая, под цвет костюма. Костюм состоял из широких брюк и просторного жакета, под которым виднелась похожая на тельняшку кофта.

«Ну и атаманша», – подумал Генчик. Сумрачно и завистливо. Такой атаманше, конечно, ничего не стоило бы своей тростью разогнать целую шайку мелкой шпаны...

А ему, Генчику-то, что делать? Может, подойти к продавщице (которая посимпатичнее на вид) и честно сказать: «Тетенька, меня там хулиганы караулят. Есть у вас запасной выход?»

А что? План и правда неплох! Есть в нем что-то от кино про разведчиков... Но сперва надо подождать, когда кончится дождь. А он все шумел за окнами, и гром звучал, как взрывы снарядов, часто и неумолимо.

Генчик в углу магазина присел на край широкой кадки с искусственной пальмой. Достал кольцо синего провода. Зубами оторвал кусок длиною с карандаш и начал мастерить пружинчика.

Пружинчиками назывались его человечки. Потому что ручки, ножки и туловища были у них обмотаны спиральными витками. А головка – круглая петелька. Ступни и ладони – тоже петельки, только узкие. Делать пружинчиков – искусство нехитрое, когда есть навык. Раз-раз

– и проволочный человечек вот он. Генчик посадил его на забинтованное колено и принялся мастерить второго... И вдруг почувствовал взгляд.

Сквозь квадратные очки-окошки за Генчиком наблюдала старуха. Они встретились глазами. Старухины глаза были непонятные. Стуча башмаками и палкой, она прошагала к Генчику. Он теперь смотрел на нее снизу вверх, как лягушонок на цаплю.

– Ну-ка покажи... – Голос у нее был густой и строгий.

Генчик робко протянул пружинчиков – готового и недоделанного.

– Да не это, – старуха поморщилась. Взяла человечков, толкнула их в нагрудный карман на рубашке Генчика. – Пальцы!

Она крепко ухватила Генчика за кисть руки, потянула ее вверх. Он испуганно встал. Старуха решительно ощупала его пальцы – от большого до мизинца. На правой руке, потом на левой...

– Оч-чень замечательно. То, что нужно... Идем!

– Куда? – пискнул Генчик.

– Есть дело. – Старуха снова прочно ухватила его. И к двери...

– Там же ливень... – только и выговорил он.

– Уже кончается.

В самом деле, грозу будто разом отодвинули. Гром раскатывался теперь в отдалении, шумный дождь превратился в чуть заметную морось. В ней заиграли искры солнца.

Старуха решительно вытащила Генчика наружу. Из духоты – в резкие запахи мокрой листвы, в прохладу, которая покусывала кожу крошечными брызгами.

Генчик вдохнул свежесть, а потом протестующе затормозил по мокрому асфальту сандалиями.

– Куда вы...

– Идем, идем!

Генчик беспомощно оглянулся. И... опять за ним с ухмылками следили пятеро. Нет, лучше уж со старухой. От нее он, в конце концов, сумеет удрать. Лишь бы она увела его подальше от этих...

И Генчик засеменил рядом со старухой, как послушный внук.

Свернули за угол. Там стоял у газона серый «Запорожец». Ужасно старой конструкции, но вымытый дождем и потому блестящий, словно только что из автомагазина.

Старуха дернула на себя дверцу.

– Полезай на заднее сиденье.

– Зачем? Я не...

Тут пятеро показались из-за угла. Старуха произнесла с ехидцей:

– Мне казалось, ты не прочь убраться подальше от этих мест.

Вот карга! Все разглядела!

– А куда вы меня повезете?

– Куда надо.

– Мне надо домой, – жалобно уточнил Генчик.

– Оч-чень замечательно. Садись. – И он от легкого толчка оказался в душной, пахнувшей бензином кабине.

Старуха втиснулась за баранку («Запорожец» застонал). Мотор закашлял, машина дернулась. Генчик от рывка запрокинулся, задрал колени. Старуха насмешливо смотрела на него из переднего зеркальца. Генчик торопливо сел как положено. Старуха умело вертела рулем. Ее изображение продолжало поглядывать на Генчика. Поверх очков. Очки съехали вниз по носу. Нос был длинный и прямой, но самый кончик его загибался вперед: там словно был приклеен шарик из хлебного мякиша. На этом шарике очки и застряли.

Генчик неловко отводил глаза и думал, что, может быть, старуха и не вредная, а просто со странностями. Кажется, она похожа не тетю Полли из книжки про Тома Сойера: снаружи суровая, а характер добрый. Увидела, что хулиганы караулят мальчишку, и решила спасти...

«Запорожец» трясло и заносило на скользких ухабах. Седой кукиш на темени старухи отчаянно мотался. Генчик перевел взгляд с кукиша на окно и вдруг понял, что они едут не в ту сторону.

– Ой... Мне ведь в Уятино!

– В самом деле? А мне в Окуневку.

– Но вы же обещали... что домой!

– Я имела в виду: домой к себе, – и коварная «тетя Полли» добавила газу.

Генчик понял, что его похитили.

О похищениях детей Генчик слышал и читал много раз. Похищали с разными целями. Иногда ради выкупа. Иногда чтобы поиздеваться. Есть такие «любители» (вроде тех гадов со Шкуриком). Замучают до смерти и заруют где-нибудь... А еще ходили слухи, что украденных людей по частям продают за границу. Для пересадки всяких органов... Ой, мамочка! Вот это называется спастись от врагов!

Старуха движением носа подбросила очки. Они блестели «оч-чень» иронично.

– Кажется, я знаю твои глупые мысли.

– П-почему... г-глуп-пые? – Генчик сделал вид, что заикается просто от тряски.

– Посуди сам... – Старуха крутнула руль, объезжая лужу. – Если бы я хотела тебя украсть, то разве стала бы делать это на глазах столько свидетелей? В том числе и на глазах твоих «друзей» с трамвайной остановки! И толкать тебя в столь примечательную машину с заметным для всех номером! Да и сама я – фигура заметная...

«Машину можно перекрасить, а номер сменить. А «фигура»... Может, она и не старуха, а переодетый бандит! Недаром шагает как дядька!..» Ох, зачем он, Генчик, отдал девчонке нож! Было бы хоть какое-то оружие...

– Ты просто должен выполнить одну работу...

– Ага... – встряхиваясь, горестно догадался Генчик. – А потом вы меня лик... ик... видите...

– Вот уж не думала, что у тебя такая дурная голова!... Впрочем, тут главное не голова, а твои пальцы...

«Значит, уже и пальцы пересаживают!» – ахнул про себя Генчик. И понял, что самое время выкатываться из машины на ходу. Ручку на себя, дверь – плечом, и марш! Но скорость была такой, что едва ли останешься цел. От удара о дорогу можно рассыпаться так, что хоть сразу продавай по деталям.

Есть еще один выход – зареветь. Но стыдно...

«Запорожец» между тем распугал домашних уток в луже на Кольцовской улице, поплутал среди мокрых заборов, пересек по глинистым колеям пустырь и нырнул в туннель под насыпью железной дороги. После туннеля он, царапая дверцы о кусты, проехал еще немного. Фыркнул и встал, словно стукнулся бампером о пень.

Старуха выбралась и придержала дверцу.

– Выходите, сударь. Но, прежде, чем дать стрелача, подумайте: стоит ли? Неужели у нынешних мальчиков совсем не осталось вкуса к приключениям?

«Это смотря к каким...» Генчик сумрачно выбрался из кабины. Заподжимал ноги в высокой мокрой траве. Две колеи среди этой травы вели к старинным, с деревянными узорами воротам. Ворота были кривые, узор потрескавшийся.

На левой половине ворот желтел кусок фанеры. На нем чернели крупные буквы:

Уважаемые грабители!

В этом доме нет ничего ценного.

В любое время можете зайти и убедиться.

Домовладелица З. И. Корягина

Все это было странно. Скорее всего – маскировка. И безлюдье кругом. Мокрая чаша и тишина. Можно согнуть без следа...

– Я открою ворота, загоню машину. Подожди. – И старуха (видимо, З. И. Корягина) прошагала в калитку.

Ну вот, самый момент, чтобы «ноги-ноги». Фиг она его догонит со своей клюкой. В кусты – и только его, Генчика, и видели!

Но... Генчик не двигался. Сам не понимал, почему. Только нагнулся и сумрачно поправлял намоченный бинт.

Ворота закрипели и разъехались. Старуха вышла из них как император из дворца. На Генчика не посмотрела. Села в «Запорожец» и въехала на нем во двор. Там выбралась из машины опять и сказал громко, в пространство:

– Заходи, раз не сбежал!

Конечно, она была притворщица. Баба Яга. Заманит, а там: «Садись-ка, милый, на лопату, я тебя в печь...» Подумал так Генчик и... пошел. Что-то было тут сильнее страха. Непонятная такая тяга. Да и драпать теперь – это совсем уж стыд...

В обширном дворе (не двор, а скорее запущенный сад) стоял приземистый дом. Весь настолько перекошенный, что одни окна были в метре от земли, а у других нижний край прятался в траве. Большие были окна. С точеными шишками на карнизах. А одно окно – особенное, восьмиугольное, совсем большущее. С хитрым узором деревянного переплета.

Таким же косым и удивительным, как весь дом, оказалось ступенчатое крыльцо. С козырьком из чугунного узора, с дверными створками, на которых вырезаны были красавцы-павлины (перья их хвостов кое-где пообломались).

Хозяйка поднялась на крыльцо. Оглянулась.

– Проходи.

Генчик покорился судьбе. Старуха пропустила его вперед.

В сенях было полутемно, в широкой прихожей – тоже. Мерцало узкое зеркало. Чуть ощутимо пахло то ли ванилью, то ли корицей (Генчик не разбирался в пряностях).

С неожиданной мягкостью старуха спросила:

– Ты не обидишься, если попрошу снять обувь? Я вчера выскребла полы...

Генчик дрыгнул ногами, стряхнул сандалии. Ступил на вязаный половик.

– Иди за мной. Сюда...

Это была комната с восьмиугольным окном. Снаружи темнели мокрые кусты сирени. Воздух от этого был зеленоватый. Это все, что сначала увидел Генчик. Потому что почти сразу он зажмурился от знакомого ощущения...

Под ногами были прохладные половицы. Не крашенные, а из голого дерева, которое, когда моют, для чистоты скребут еще ножом.

Такой пол был в деревянном доме у бабушки (когда бабушка была еще жива и маленький Генчик ездил к ней в село Загорье). Так замечательно было ступать по этим доскам босыми ногами!

Вот поэтому он и закрыл глаза. От сладкого воспоминания.

А когда открыл – увидел корабль.

2

Корабль был длиной около метра. А если считать с наклонной, торчащей впереди мачтой (кажется, называется «бушприт»), то еще больше.

Хотя не было парусов и между мачтами торчала пароходная труба, Генчик сразу понял: это парусник. Вроде «Дункана» из кино про детей капитана Гранта. Две откиннутые назад мачты были высокие, стройные, в окружении натянутых снастей. А корпус – узкий, остроносый. Быстроходное судно.

Была в паруснике та особая красота, которая манит в дальние края.

Генчик тихонько засопел от восхищения.

Модель стояла слева от окна, на столике с витыми ножками. Старуха, сменившая твердые башмаки на войлочные туфли, подошла к модели.

– Ну-с, вот это и есть работа.

– А что тут делать-то? – почтительным шепотом удивился Генчик. Он уже ни капельки не боялся. Босыми ступнями он впитал из деревянных половиц ласковость и успокоение. – Это ведь совсем уже готовый... корабль.

– Не совсем. Здесь еще немало возни с такелажем. Со снастями. А я... смотри! – Старуха размашисто повернулась к Генчику (он даже вздрогнул). Протянула руки.

Старухины пальцы, которыми она недавно так крепко хватала Генчика, были корявые и узловатые. И пятнистые, словно в разросшихся веснушках.

– Вот, юноша... Лет через шестьдесят, возможно, и ты узнаешь, что такое артрит, полиартрит, ревматизм, остеохондроз и высокое артериальное давление. Все прелести, от которых старые руки дрожат и не слушаются... А твои пальцы – я в магазине на них просто залюбовалась: как ты делаешь тонкую работу! Здесь такая же...

– Но я же не знаю... не умею... – Генчик робко вскинул на хозяйку модели глаза. – А тот, кто строил этот корабль, он где? Он разве больше не может?

Старуха сделалась еще прямее и строже, чем обычно. И объявила с высоты роста:

– Довожу до вашего сведения, что это судно строила я, Зоя Ипполитовна Корягина. Вот этими самыми руками. – И зашевелила «клевнями».

– Ой... – не сдержал недоверия Генчик.

– Что «ой»?

– Правда – вы?

Зоя Ипполитовна Корягина поджала губы. Потом хмыкнула:

– А вам, молодой человек, казалось, что такие модели мастерят обязательно отставные капитаны в тужурках с якорями и закопченными трубками в зубах?

Генчику, по правде говоря, казалось именно так. И он не стал отпираться, кивнул.

В голосе старухи появилась горькая нотка:

– Нет, голубчик. Эту бригантину строила я. Несколько лет. Должна признаться, что это было радостью и смыслом жизни... Но я не рассчитала. Пальцы стали отказывать раньше срока. И я не могу уже ввязать ни одной вы бленки.

– Чего... ввязать?

– Видишь тросы по бокам у мачт? Они называются ванты. На них полагаются ступеньки...

– Ага! Чтобы на мачты лазить! Я видел в кино!

– Вот-вот! Они-то и называются «выбленки». Их надо делать из суровых ниток, привязывать особыми узлами.

– Я ведь не знаю никаких морских узлов...

– А тут и нужны-то всего два! На крайних вантах – «задвижной штык», а на средних – «выбленочный». Это элементарно! Ты освоишь мигом! Садись... – Твердыми (вот тебе и больные!) пальцами она ухватила Генчика за плечо. Почти силой посадила на фигурный, с протертыми плюшевым сиденьем стул. И... охнула: – Я старая невежа! Опять хватаю ребенка, будто заложника. Срам... И даже не спросила, как тебя зовут... А?

– Генчик... Гена Бубенцов.

– Гена-Генчик... – Зоя Ипполитовна открыла в улыбке крупные зубы – все желтые, как у курильщика, а один золотой. – Генчик-Бубенчик... Тебя никто так раньше не звал?

Он даже испугался. Сказал шепотом:

– Звали... Давно, бабушка...

– Наверно, ты очень звонко смеешься, когда тебе весело. Да?

– Не знаю. Обыкновенно...

– По-моему, мы найдем общий язык, – сообщила Зоя Ипполитовна. – Ох, а что у тебя с ногой? Кровоточит!

Клюквенный сок на бинте от сырости распустился алой гвоздикой.

Генчик сказал в упор:

– Маскировка. Варенье. Чтобы всяким вредным теткам не уступать место в трамвае. – Откровенность эта была в отместку за недавние страхи.

– Гм... Я вижу, голова у тебя хитроумная.

Генчика опять потянуло за язык:

– Вам же главное не голова, а пальцы.

– Да! Ты не прост... Впрочем, поделом мне... Ну а как все же насчет работы? Согласен?

– Ага. Только... – Генчик провел глазами по снастям и мачтам.

– Что?

– Тут ведь работы этой небось на целое лето...

– Ну-ну! Глаза боятся, руки делают. Сколько сможешь и захочешь. А потом буду искать кого-нибудь еще... Да ты не бойся, я ведь расплачу'сь.

– Разве в этом дело... – вздохнул Генчик.

– А в чем?

– Не напортить бы...

– У тебя получится отлично!

Ну, может, не отлично, а на «четверку» получалось.

Вязать задвижной штык и выбленочный узел Генчик научился в два счета. Минут через двадцать он, посапывая от старания, уже ловко привязывал к вантам поперечные нитки-ступеньки.

– Зоя Ипполитовна, а ничего, что не сильно натянута?

– Все правильно, они и должны слегка провисать. Ты молодчина!

Пальцы у Генчика и правда были ловкие. Скоро корабельная работа стала казаться ему привычной. Только у мачтовых площадок (они назывались «марсовые») приходилось трудно-вато: ванты сходились вплотную друг к другу...

Зоя Ипполитовна с книгой на коленях сидела неподалеку. Сидела так же прямо, как и ходила. «Как она скоблит полы с такой негнучей спиной?» – подумал Генчик. Он почему-то сразу решил, что хозяйка живет в доме одна. Время от времени Генчик поглядывал на нее. Иногда они встречались глазами. Зоя Ипполитовна в улыбке открывала золотой зуб (он светил, как маяк).

– Ты умница, Генчик-Бубенчик. Ты мой спаситель.

Она была теперь без кофты, в блузке, похожей на тельняшку.

– Зоя Ипполитовна, можно я положу на палубу пружинчика?

– Кого?

– Вот этого человечка. Пусть поживет на корабле.

– А! Конечно, конечно... Какой славный. Наверно, у тебя много таких?

– Ага. Целое... население. – Генчик усадил синего пружинчика у корабельной трубы. –

Они у меня для всяких игр...

Эх, если бы у Генчика был такой корабль! Он подобрал бы для него самых ловких и красивых пружинчиков. И поплыли бы они вокруг света...

Но он не очень завидовал. Ведь парусник был сейчас немного и его. Потому что Генчик помогал налаживать оснастку!... А пружинчик (которого будут звать Мичман) потом поселится у Генчика в городе и будет рассказывать местным ребятишкам, как служил на бригадине. И про шторма, и про всякие приключения... Генчик от удовольствия водил по губам кончиком языка.

– Зоя Ипполитовна... А вы раньше на флоте служили, да?

– Что ты, голубчик! Я совершенно сухопутная особа, всю жизнь была бухгалтером. Сперва простым, потом главным...

– У-у... – не сдержался Генчик.

– Что значит «у»? Бухгалтерская должность тоже требует умения и смелости. В ней, должна тебе сказать, немало подводных рифов и мелей...

– Да нет, я ничего... – Генчик от смущения закачал босыми ногами.

– Ну а кроме того... я служила бухгалтером в речном порту. Одно дело, когда за окнами пыльная улица, а другое, когда пароходные трубы и мачты. Не морская гавань, конечно, но все-таки...

– Но все-таки, – охотно согласился Генчик, работая пальцами.

– Одно время я даже носила форму. В пятидесятых годах у всех работников портовой конторы были, как у капитанов, кителя и погоны с якорями и штурвалами... Вот так-с...

– А где вы научились такие модели строить? На реке-то на нашей таких парусников не бывает..

– О! Это у меня еще с детства, дорогой мой! Я с дошкольных лет обмирала о парусах и путешествиях. Читала Жюль Верна и Стивенсона... А ты какие-нибудь морские книжки читал?

– Конечно! «Приключения капитана Врунгеля». И «Остров сокровищ»... И про капитана Немо... – Генчик зачесал ногу о ногу, стараясь вспомнить еще. Не вспомнил. – Но я же не только про море люблю. Еще про космос, про индейцев... А еще «Повести Белкина», которые Пушкин написал. Знаете?

– Представь себе, да! Значит, тебя потянуло к классике?

– К чему? А!... Это Ленка принесла из библиотеки. Она на первом курсе тогда училась, ей надо было сдавать экзамен про Пушкина.

– И как тебе сочинения Александра Сергеевича?

– Здорово! Лучше всех – «Выстрел»!

– Да? Почему же?

– Ну... потому что конец такой... Этот Сильвио не стал стрелять, хотя мог ведь убить того графа запросто. А он не захотел... и все сделалось хорошо...

– Все сделалось хорошо, – повторила Зоя Ипполитовна. И почему-то вздохнула.

– Мне там только одно не понравилось...

– Что же?

– Когда Сильвио по мухам стрелял. Ради забавы...

– Тебе что же, стало жаль мух?

– Ну, не знаю... вообще...

Зоя Ипполитовна встала у Генчика за спиной.

– Ты... значит, из тех, кто и муху не обидит? Наверно, и не дерешься никогда?

Генчик пошевелил под рубашкой лопатками.

– Почему? Я могу! Если полезут, я... Вот у нас в летнем лагере, в том году, был Мишка Жираф, такая приставала, дак мы с ним два раза...

Зоя Ипполитовна похожей на краба растопыренной пятерней осторожно взлохматила его волосы-стружки. Молча.

Генчик сказал насупленно:

– Может, вы думаете, что я тех, на остановке, боялся?... Ну да... Когда врагов пятеро, а ты один... Зоя Ипполитовна, а почему так? Идешь ни к кому не лезешь, а они на тебя... – И тут у Генчика не ко времени защекотало в горле.

Зоя Ипполитовна опять взъерошила ему макушку.

– Это, Бубенчик, давняя философская задача. Ты ни к кому не лезешь, а они на тебя... Почему?... Ох! Я старая эгоистка! Ты же наверняка голодный!

– Нет, я... не очень. Я...

– Сейчас! – Она пошлепала туфлями из комнаты и вернулась с кружкой и тарелкой. В кружке – молоко, в тарелке – печенье.

– К сожалению, ничего горячего я сегодня не готовила...

Молоко было приятно-холодное. Печенье пахло так же, как все в доме – какой-то пряностью. Генчик хрустел им, прихлебывал из кружки. Потом откинулся на спинку стула. Нижние ванты на задней мачте были теперь все со ступеньками.

– Зоя Ипполитовна, мне домой пора. Белье развешивать... – На старинных часах (деревянный орел, держащий блюдо с циферблатом) была уже половина второго. – Я, наверно, даже опоздаю!

– Не опоздаешь! Я тебя довезу мигом!... Ох как славно ты поработал... Сейчас, Генчик-Бубенчик, скажи честно и без лишней скромности: сколько я должна тебе за этот труд?

Он сказал честно:

– Ну что вы такое говорите! Просто даже слушать не хочется!

– Ты... это серьезно?

Генчик сердито повел плечом: какие тут шутки?

– Ты, видимо, несовременный ребенок... – Зоя Ипполитовна опять почему-то вздохнула. Генчик слегка обиделся:

– Почему несовременный, если я в современное время живу?

– Я не в том смысле...

– Да знаю я, в каком! Ленка тоже так про меня говорит иногда... Зато сама вся такая современная! «Мисс Утятино...»

– Ты, наверно, часто с ней ссоришься?

– Не так уж... Не каждый день... А современный – это тот, кто жвачку с пузырями все время жует? Я тоже ее жевал, аж челюсти болели. И вкладыши собирал, чтобы в Турцию послать. Говорили, что, если пошлешь, от турецкой фирмы будет премия: компьютер или заграничная путевка...

– Ну и что же?

– А ничего. Шиш не кукурузном масле... С тех пор и не жую.

– Ну вот. Значит, ты вообще-то не против награды? Почему же у меня отказываешься?

– Потому что... мне и так тут интересно. Я будто играю. И вообще...

– Что, Генчик, «вообще»?

– Ну... так... – Не будешь ведь говорить про ласковое дерево половиц.

– А еще-то придешь? – тихо спросила Зоя Ипполитовна. И стала будто пониже ростом, как обычная бабушка.

– А можно?

– Ты еще спрашиваешь!

– Я хоть завтра...

– Правда?

Генчик заулыбался:

– Я вам пружинчика оставлю. Заложником.

– Не заложником, а почетным гостем...

Старший спасатель Кубриков

1

На дворе ждала неприятность. Не пожелал заводиться «Запорожец». Ну, никак!

Зоя Ипполитовна била себя по бокам длинными руками.

– Негодная керосинка! Конечно же, опять сел аккумулятор... Как же я тебя повезу?

– Да вы не расстраивайтесь, – мужественно сказал Генчик (хотя кошки скребли на душе). – Только скажите, как добраться до трамвая...

– Но тебе же очень далеко ехать!

– Вообще-то да... Вот если бы зимой, то можно напрямик через озеро, по льду. С этого берега нашу улицу видать...

– Не ждать же зимы!... А! Идем! Пошли... – И она опять крепко ухватила Генчика за руку. Видимо, по привычке.

Вышли со двора, поплутали среди тесных заборов и могучего чертополоха. По досчатым лесенкам – вверх и вниз – перебрались через насыпь железной дороги. И оказались на пологом озерном берегу.

Зоя Ипполитовна широко шагала по тропинке и все держала Генчика за руку. Он семенил рядом, путаясь сандалиями в жесткой траве «пастушья сумка».

– Да отпустите уж вы меня. Теперь-то я не сбегу.

– Ох! Извини, пожалуйста. Это называется «инерция поведения». На почве старческого возраста...

– Ну, не такой уж он у вас и старческий...

– Генчик Бубенцов! Ты истинный джентельмен... Ого! Нам сопутствует удача! Смотри...

У мостков, с которых обычно полощут белье, приткнулась широкая моторка. Точнее, катерок с откинутым брезентовым верхом. На корме возился с подвесным мотором парень в тельняшке и фуражке-мичманке. Он хлопнул мотор по кожуху, выпрямился и с удовольствием потянулся.

– Любезный капитан! – зычно окликнула его Зоя Ипполитовна. – Позволено ли мне будет обратиться к вам с просьбой?

Моторист секунды две изумленно молчал. Потом одернул тельняшку.

– Сударыня! Я весь внимание!

Светский тон моториста не вязался с его внешностью. Парень был коренаст и широкоплеч. Лицо круглое, но не пухлое, а с крепкими скулами. Нос – как сапожок. Под «сапожком» топорщились светлые усики. Под стать усикам были брови – как две белые зубные щетки. И такие же щетинистые светлые волосы торчали из-под мичманки. В общем, Ваня-тракторист из комедии «Комаровские женихи», которую недавно показывали в передаче «Старые киноленты».

Зоя Ипполитовна, однако, отдала должное манерам «капитана».

– Благодарю вас. Не могли бы вы доставить на тот берег мальчика? Он очень спешит! Выражаясь по-флотски, у него форс-мажор. Чрезвычайные обстоятельства!

Хозяин моторки жизнерадостно глянул на Генчика и галантно заверил собеседницу:

– Нет ничего проще, мадам. Как говорят в Европе, «но проблем».

– Еще раз благодарю. А... сколько я должна вам заплатить за этот незапланированный вояж?

– Сударыня! О чем вы говорите! Вы же только что сообщили, что у мальчика форс-мажор! Помогать людям в экстремальных ситуациях – моя обязанность!

– Мне везет сегодня на встречи с благородными людьми, – тоном пожилой графини сообщила Зоя Ипполитовна. – Надеюсь, капитан, я могу без опаски доверить вам юного пассажира?

– Мадам! – возгласил «капитан» в порванной на боку тельняшке. – Я старший спасатель водной станции номер два! Обратитесь к начальству, и оно со всей ответственностью подтвердит вам, что Петр Кубриков (то есть я) не похитил и не утопил ни одного ребенка! Как, впрочем, и взрослого!... Через пять минут мальчик будет в полной сохранности на том берегу. Слово чести!... Если, конечно, не скиснет двигатель. Но и в этом случае я доставлю вашего внука на сушу. Хотя бы как дрессированный дельфин...

Зоя Ипполитовна не стала объяснять, что Генчик – не внук. Патетическая речь старшего спасателя Кубрикова явно понравилась ей.

– Ну что, Бубенчик? Пойдешь в плавание?

– Ага!

Петр Кубриков сделал под козырек – это для Зои Ипполитовны. А для Генчика – приглашающий жест:

– Прошу вас, сэр!

В тот же миг катерок закачался от Генчикова прыжка.

– Эй! Ты пятками днище пробьешь!

– Не-е! Я легонький! – Генчик, согнувшись, ухватился за низкий поручень, а другой рукой помахал Зое Ипполитовне. Она отсалютовала ему тростью – как маршальским жезлом.

Петр Кубриков оттолкнул моторку от хлипкой пристани. Сел за баранку, похожую на самолетный штурвал.

– Устраивайся рядом...

Генчик уселся на горячее от солнца клеенчатое сиденье со спинкой. Кубриков щелкнул тумблером, и мотор кашлянул. Потом взревел.

Кубриков надавил ручку газа. Катерок так взял с места, что Генчика вдавило в спинку.

– Ух ты!..

Кубриков заложил широкий вираж. Генчика прижало к борту. Он восторженно взвизгнул. Потом оглянулся. За кормой громадным веером стояла вздыбленная вода – с пенным гребнем и тучей брызг. В брызгах горели радуги. Вода медленно, опала, но радуги еще какое-то время держались в воздухе. Так, по крайней мере, запомнилось Генчику.

Генчик радостно глянул на Кубрикова.

– Как в самолете!

– А тебе часто приходилось летать?

– Не... Ни разу. Но мне так кажется...

– Значит, у тебя хорошее воображение, – одобрил Кубриков. И сбавил газ. Катерок пошел теперь потише. И ровно, по прямой.

Кубриков протянул широкую, в пятнах смазки ладонь.

– Будем знакомы. Петр. Можно Петя. Кубиков...

– Геннадий. То есть Генчик... А вы разве не Кубриков? Мне слышалось там, на берегу...

– Правильно слышалось. Иногда бывает, что и Кубриков. Это, так сказать, псевдоним. Для большей приобщенности к морской тематике...

Ресницы у Пети – в отличие от остальной белобрысой растительности – были рыжеватые. На них горели желтые солнечные точки. А глаза – очень голубые. Ну прямо как матросский воротник.

– Вы на флоте служили, да?

– Служил я как раз наоборот, на самом сухопутье. Крутил баранку в погранчастях. Как говорится, среди горячих песков и отвесных скал. Зато сейчас, можно сказать, у меня флотская жизнь.

– Ну да, – осторожно согласился Генчик. – Хотя здесь и не совсем море...

– А я здесь тоже «не совсем». Случайно и временно. Так вот распорядилась судьба-злодейка. – Бирюзовый взгляд Пети Кубрикова затуманился. Петя отвел глаза и стал прищуренно смотреть вперед.

Генчик спросил с робким сочувствием:

– А что случилось?

– Да так... Не будем сыпать соль на свежие раны.

Генчик притих. Не хотел он сыпать соль. Потом, чтобы прогнать неловкость, сказал:

– Хороший катер. Это какая марка?

– «Нептун»... Славная посудинка, если только мотор не барахлит. А сегодня он как раз меня замучил. Я там, у вашего пирса, больше часа с ним возился. Даже пообещал судьбе: обязательно сделаю нынче какое-нибудь доброе дело, если эта тарахтелка починится... Она и починилась! А тут как раз ты с бабушкой! Сразу выпал случай исполнить обещание!

– А без обещания... значит, вы меня не повезли бы? – слегка расстроился Генчик.

– Ну почему же! Повез бы! Как не помочь хорошим людям!

Генчик тут же представил себя на месте Кубрикова. Там, у пристани. И словно глянул голубыми Петиними глазами на берег. На высокую старуху в квадратных очках и растрепанного пацаненка с перемазанным бинтом на колене и в синей с белыми горошинами рубашке.

– А разве было видно, что мы хорошие?

– У меня, брат, глаз на людей...

Генчик мигом понял, что надо ловить счастье за хвост.

– Тогда сделайте еще одно доброе дело!

– Не очень трудное?

– Не очень! Дайте мне порулить! Хоть чуть-чуть! Я еще ни разу в жизни...

– Ну, берись... Только вон туда, к рыбацким лодкам, не ходи, а то придется делать сразу кучу добрых дел – вылавливать утопающих и разматывать с винта снасти...

Генчик и Петя поменялись местами. Генчик радостно вцепился в пластмассовые «рога» полукруглого штурвала.

– Не стискивай, держи одной рукой. А вторую – сюда, на ручку газа. Это чтобы скорость менять... Только не дергай, надо плавно... Не спеши, тогда все получится...

И у Генчика получилось!

Сперва катер «ВС-2» марки «Нептун» подергался, пометался по воде, выписывая загогулины, но скоро Генчик понял, что к чему. И лихо заложил несколько широких стремительных виражей. Не хуже, чем сам Кубиков-Кубриков. И опять повисли в солнечном воздухе радуги.

Жаль только, что все это недолго. Через несколько минут берег оказался рядом. Озеро – не океан...

– Ну а причаливать буду я сам. Это, брат, дело тонкое... – Петя опять перебрался к рулю. Он мягко подвел суденышко к лодочному пирсу у Тележного спуска.

Потом Петя проводил Генчика вверх, до угла Кузнечной улицы. Опять протянул крепкую ладонь.

– Будь здоров, Генчик. Заходи в гости на станцию номер два. Я вижу, есть в тебе флотская жилка.

– Ага... Обязательно зайду! Ой...

– Что?

– Вон Елена идет! Сестра...

Прекрасная Елена (стук-стук каблучками-шпильками) грациозно двигалась вдоль забора. Видать, направлялась в Дом культуры на репетицию. И, конечно, тут же узрела любимого братца. В компании незнакомца, одетого в рваную тельняшку.

– Это Петя, – поспешно сообщил Генчик. – То есть Петр Кубриков. Он прокатил меня на моторке. Он старший спасатель.

Петя светски наклонил голову в мятой мичманке. Елена, однако, глянула неласково.

– Очень хорошо. Но, судя по всему, Петр... Кубриков не обещал своей маме помочь развешивать белье. А *кое-кто* обещал. И *кое-кому* будет дома такая нахлобучка, что не помогут все на свете спасатели. Даже самые старшие...

– Ничего не будет! – Генчик храбро показал сестрице язык, а Пете помахал рукой. И нырнул за угол, в тень тополей. Оставил вдвоем старшего спасателя Кубрикова и Елену Бубенцову – претендентку на почетное звание «Мисс Утятино».

2

Нахлобучки не было. Белье помог развесить пришедший на обед отец (и они с мамой помирились).

Вторую половину дня Генчик мирно провел на краю огорода, за сараем, где мастерил пружинчиков. Он их расселял в своем городе. И вспоминал все хорошее, что случилось сегодня: Зою Ипполитовну, ее корабль; девочку, которая назвала Генчика чайником; Петю Кубрикова с медными искрами на ресницах. Радуги над водой... Правда, вспомнились и враги с отвратительным Шкуриком в проволочной клетке. Но Генчик дернул плечами и прогнал из памяти эту пакость.

Когда Генчик улегся спать, ему опять стала вспоминаться Зоя Ипполитовна. Представилось, будто она в своей комнате с прохладными половицами и запахом ванили (или корицы?), в сумерках, без света, стоит перед моделью. И осторожно трогает уснувшего на палубе пружинчика. Гладит узловатым мизинцем... Кто знает, может быть, так оно и было...

3

Утро было прекрасное. Даже мама с отцом не препирались, не дулись друг на друга. А Елена пела арию «У любви как у птички крылья...». И примеряла на голову какую-то кружевную фиговину с бисером.

Генчик отпросился гулять до обеда.

– А если чуть-чуть задержусь, не ругайтесь!

– Я вот тебе задержусь, – для порядка сказала ему вслед мама. А он – на двор, на огород и – через изгородь, на Кузнечную.

Жаль, что Зоя Ипполитовна живет так далеко. Сейчас, значит, бегом на трамвай, потом – еще на один, а дальше – по запутанным переулкам Окуневки.

Не нарваться бы опять на компанию Круглого и Буси с их гадостным Шкуриком...

А может, забежать на водную станцию номер два? Вдруг там окажется Петя Кубриков со своим «Нептун»? Может, опять перевезет через озеро?

Конечно, это бессовестно – так часто напрашиваться в пассажиры. У старшего спасателя и без того забот хватает. К тому же горячего, наверно, мало. С бензином сейчас везде трудности. И все-таки...

Генчик остановился на взгорке, заскреб затылок. Куда повернуть? И... вот везенье! С высоты он увидел край озера, мостки у Тележного спуска и знакомый катерок у мостков! И самого Петю в тельняшке и мичманке.

Расстояние до берега Генчик преодолел, можно сказать, на бреющем полете.

– Здравсте! – он лихо затормозил на досках сандалиями.
– О! Привет! Откуда ты взялся?
– Оттуда... Из дома. А вы тут дежурите, да?
– Можно сказать и так... А вообще-то я очки искал. Вчера, когда причалили, выронил из кармана. Жаль, хорошие очки от солнца, друг привез с Гавайских островов...

– Не нашли?
– Нет. Наверно, провалились под доски, в траву, а там их кто-то отыскал.
– Подождите... – Генчик юркнул под мостки. Ползал там минут пять. Мусор сыпался за ворот и в волосы. Грязный бинт, который Генчик по привычке намотал сегодня на колено, развязался и застрял в траве.

Генчик сердито сунул его в карман. И виновато выбрался на солнце.

– Нету. Нигде...

– Да. Я и сам тут искал, искал... Ладно, переживу. Иди сюда, побеседуем за жизнь, как говорят в Одессе.

Генчик с готовностью сиганул в моторку. И ойкнул: снова Петя скажет «пробьешь днище». Но Петя сказал:

– А сестра твоя... она где?

– Елена? Дома. А что?

– Да ничего... Просто вчера показалось, что вы с ней сегодня утром куда-то собирались. В Дом культуры, кажется...

– Не утром, а вечером! И она без меня! Чего я там не видел? Конкурс красоты! Пфы...

Петя, кажется, слегка затуманился. Наверно, опять пожалел потерянные гавайские очки.

– Ну, ладно. Кому конкурс, кому работа. Пора в объезд по акватории... А ты куда собрался?

– А я опять... на тот берег. У вас туда случайно не будет пути сегодня?

– Случайно будет, – понимающе сказал Петя. – Раз уж ты тут случайно оказался. Поехали...

Когда моторка набрала ход, Генчик с чувством произнес:

– Ох и спасибо вам! А можно вас попросить...

– Сначала можно я попрошу?

– Ага... А что?

– Давай будем с тобой на «ты». Я ведь еще неженатый, бездетный. Молодой снаружи и внутри.

– Ладно... давай. А можно, чтобы скорость потише?

– Ты что? Боишься?

– Вот еще, «боишься»! Просто... чтобы плавание было подольше. А то ж-жик – и там...

– Понял. Малый ход...

Нос катерка опустился, мотор застучал неторопливо. В корму стали поддавать крутые гребешки – с берега дул теплый плотный ветер и разгонял зыбь.

– Так и поедет, – решил Петя. – Если бабушка не успела соскучиться по внуку.

– Да она вовсе не моя бабушка! Мы только вчера познакомились!

И Генчик без утайки поведал вчерашнюю историю. Не скрыл даже, как спасался от зловредных парней и Шкурика и как боялся, что старуха – коварная похитительница.

– А по правде-то она совсем не такая!... И корабль у нее знаешь какой замечательный! Ну, в точности как настоящий, только будто его какой-то волшебник уменьшил. Она его несколько лет строила...

– Значит, есть в старой женщине морская закваска, – со всей серьезностью заметил Петя Кубриков.

– Есть... Она раньше в портовой конторе работала. И морские узлы знает! Она мне вчера два узла показала: «выбленочный» и «задвигной штык»... Петя, а ты все морские узлы знаешь?

– Всех, наверное, никто не знает. Их чуть ли не четыре тысячи. Но кой-какие мне, конечно, известны. Такая, брат, профессия... Например, «беседочный». Очень полезный в нашем спасательном деле. Он образует петлю, которая не затягивается. Это важно, когда человека такой петлей вытягивают из воды... А если сам оказался за бортом, должен уметь завязать петлю вокруг себя одной рукой, одним взмахом...

– Петя, покажи!... Вот на этом! – Генчик выдернул из кармана серый, жгутом свернувшийся бинт.

– Ну что ты! На таких тесемках узлы не вяжут. Возьмем вот что... – Петя дернул к себе с носовой палубы швартовую снасть – плетеный, толщиной в палец трос. А бинт бросил за борт. Потом выключил мотор. – Ляжем в дрейф. А то не успею научить, как будем у берега... Вот, смотри. Один конец закрепляем на судне, другой у тебя в руке. Обносишь вокруг туловища – раз! Делаешь на нем колечко – два. Перехватываешь, просовываешь руку, протягиваешь кончик... три! Готово...

– За три секунды! – восхитился Генчик.

– Теперь попробуй сам... Нет-нет, одной рукой... Работай пальцами... Вот так!

Конечно, не все сразу было «вот так». Но минут через пятнадцать Генчик уже довольно ловко завязывал у себя вокруг пояса широкую петлю. Движением кисти и пальцев. И Петя сказал, что у него, у Генчика, морской талант.

– Петя, а можно я теперь скакну за борт? А ты мне бросишь конец и спасешь!

– Ну... не так сразу. Потренируйся еще...

– А говоришь «талант»...

– Талант, пока на суше или в лодке. А на воде вон какая зыбь. Ишь, раскачалось... Да и мотор пора заводить, а то остынет – не запустишь. Садись...

Мотор запустился сразу. Но тут же и заглох.

– Ну вот, накаркал я... – Петя защелкал тумблером. Чертыхнулся и полез на корму. Пенный гребешок хлестнул ему в лицо. Петя, отплевываясь, потянул мотор на себя. Из воды показался металлический «хвост» с винтом.

– Ой... – сказал Генчик.

– Тьфу, зараза! – сказал Петя.

Потому что оба увидели сразу: на ось винта был намотан марлевый жгут.

– Это я виноват! – раскаялся Генчик. – Мой бинт...

– Я виноват! Знал ведь, что нельзя бросать за борт всякую дрянь!... У тебя есть ножик?

– Нету...

– И у меня нет. Я, голова дырявая, дал его вчера нашему сторожу, банку консервную открыть, а назад не взял...

Петя вытащил из-под сиденья коробку с гайками, масленками и мелкими инструментами. Поковырял бинт на оси отверткой. Но марля намоталась с небывалой плотностью.

– Кажется, мы сели крепко...

Волны между тем нарастали, качало все сильнее. Генчик ощутил в себе приключенческое замирание.

– Значит, у нас корабельная авария?

– Вроде того.

– Тогда... может быть, поднять сигнал бедствия?

– Ну, это уж черта с два! Не хватало, чтобы старшего спасателя Кубрикова спасали посторонние... Сначала поднимем что-нибудь другое!

– Что?

- Во-первых, настроение. Во-вторых, парус.
- У тебя есть парус?! – возликовал Генчик.
- Припас на всякий случай. Самодельный. Ну-ка...

Петя поднял лежавшие вдоль бортов две дюралевые жерди, соединил их концами. Получилась двуногая штука вроде буквы «А» без перекладины. Нижние концы Петя вставил в гнезда у бортов. Генчик помогал. А гребешки хлестали через борт – ну, прямо как в кино про надвигающийся шторм.

От верхушки двуногой мачты спускались несколько веревок. Одну протянули к носу, другую к корме. Закрепили. К третьей веревке (Петя сказал, что это «фал») прицепили деревянную перекладину с квадратной парусиной. Нижние углы парусины короткими снастями оттянули к скобкам на бортах. Потом вдвоем потянули фал.

И парус полез вверх, и ветер тут же рванул его, и катерок накренился, и вода (почему-то очень холодная) хлестнула Генчика по ногам.

– Ого... – сказал Генчик со старательной небрежностью. – Так, пожалуй, и вверх дном оказаться недолго...

– Ерунда. Мой «Нептуша» остойчивый. Обвяжись-ка беседочным узлом и лезь на нос. Я буду править веслом, а ты командуй. Мне-то из-за паруса не видать, что там по курсу.

Генчик со страховочной петлей под мышками уселся на носовой палубе. Ухватился покрепче за крышку люка. За плечами у Генчика туго надувалась парусина. Ветер вырывался из-под нижнего края и сквозь намокшую рубашку охлаждал спину. А солнце жарко светило в левую щеку. И озеро под этим солнцем было очень синим. С белыми щетками гребешков.

На середине озера волны стали пологими. Они догоняли неторопливый парусник, поднимали его и плавно уходили к далекому берегу. Впрочем, не к такому уж далекому.

В груди у Генчика был тихий восторг. Надо же, какое счастье привалило человеку: настоящее парусное плавание!

– Лево руля!... Петь, еще левее! Чтобы прямо к мосткам!

– Есть... Так правильно?

– Точно идем!

– Я закреплю весло... – Петя закрепил. И высунул голову из-под паруса. – Хорошо ты устроился...

– Ага! Иди сюда!

– Нельзя, нос будет перегружен. Парусник с перегруженным носом – не ходок.

– Петь, а ты плавал на больших парусных кораблях?

В ответ Генчик услышал молчание, потом протяжный вздох. Оглянулся. Глаза у Пети были скорбные, медные искры на ресницах погасли.

– Не пришлось пока, Генчик... Должен был этим летом идти в плавание на учебном фрегате «Дружба». А вместо этого – сюда...

– Почему?

– Я ведь вообще-то курсант мореходного училища в городе Северобалтийске. Весь наш курс пошел на летнюю практику под парусами, а меня сослали в ваш Белорыбинск...

– За что?! – возмутился Генчик, заранее зная, что Петя Кубриков ни в чем не виноват.

– Было за что... За дуэль... – Петя прищуренно смотрел из-под паруса мимо Генчика. Вдаль.

– Как за дуэль? За правдашнюю? – радостно обмер Генчик.

– За неправдашнюю не сослали бы... Хорошо хоть, что не исключили. Начальник воспитательной части – мужик с пониманием. «Тяни, – говорит, – лямку на дальнем озере и благодари судьбу, что легко отделался...»

– Петя, расскажи! – взмолился Генчик. – Что за дуэль-то? На пистолетах? – Картины из повести «Выстрел» встали перед Генчиком ярко, как в цветном телевизоре.

– Не на пистолетах, на холодном оружии... Есть на нашем курсе один тип. По прозвищу «Левый Кит». Сынок одного большого чиновника из пароходства. Этаким упитанный субъект, который думал, что ему все позволено... Ясен портрет?

– Вполне!

– Тогда продолжаю. Однажды сидели мы в курилке... Я вообще-то не курю, но тоже был там, ради компании. Ну, разные морские байки, анекдоты и все такое прочее. И о девушках, конечно... И вот этот Левый Кит, хмыкая и облизываясь, начал об одной девушке говорить всякие гадости. А мы ее, кстати, все знаем, хорошая такая, в техникуме учится, что рядом с училищем... Как ты думаешь, что мне было делать?... Правильно... Ну, я не сильно, а слегка по уху... Он, когда поднялся с песка, – на меня. Нас растащили. И, конечно, сразу разговор о секундантах... В училище есть небольшой музей, в нем кой-какое старинное оружие, в том числе и пара длинных палашей. Раньше с такими гардемарины ходили. Эти палаша добыли мы из музея хитрым способом, пошли в дальний угол нашего парка, разметили фехтовальную дорожку. В общем, как полагается...

– Можно же было поубивать друг друга, – выразил Генчик запоздалое опасение.

– Ну... я-то убивать не собирался. Думал, что припру Кита к забору, приставлю острие к пузу и заставлю извиняться. Потому как в фехтовальном деле кое-что смыслю. Кит, правда, тоже смыслит, но справедливость-то была на моей стороне, а это, брат, всегда помогает...

– Думаешь, всегда? – вздохнул Генчик.

– Почти... Но только мы начали, как проклятый Кит скакнул по-дурацки и подвернул ногу. Бросил оружие, сидит на травке, держится за ступню и стонет. В это время нас и накрыл вахтенный офицер... Секундантам – по выговору. Киту тоже выговор, только не простой, а строгий. А я оказался главный виновник и зачинщик.

– А почему не Кит?

– Потому как удар по уху был нанесен с моей стороны... Вот таким образом я не под небом Атлантики, а здесь...

Генчик сочувственно посопел.

– Ну, ничего, – бодро сказал Кубриков. – Может, оно и к лучшему...

«Куда уж к лучшему», – подумал Генчик, представив небо Атлантики и паруса фрегата. Но Петя разъяснил:

– Никогда не знаешь заранее, какие сюрпризы готовит тебе матушка-жизнь. И в каком месте ждут тебя самые радостные встречи. Вот... с тобой, например, познакомились. Разве это плохо?

– Да мне-то просто замечательно!

– И мне хорошо... Готовь швартов! И одерживай, чтобы не стукнуться! – Катерок подходил к пристани. С шумом упал парус...

На берегу Генчик нетерпеливо подпрыгнул:

– Я сбегая к Зое Ипполитовне, попрошу нож!

– Лучше поищи осколок от бутылки.

Осколков на берегу хватало. Острым стеклянным краем Петя Кубриков перепилил на оси винта тугой марлевый жгут.

– Вот и все. Будем нести службу дальше. Я – патрульную, ты – по наладке такелажа...

– Увидимся еще, да?

– О чем разговор!

Как зовут бригадину

1

Зоя Ипполитовна, увидев Генчика, не скрывает удовольствия.

– Доброе утро, Бубенчик! Признаться, я волновалась: придешь или нет?

– Я же обещал!

Без лишних слов Генчик устроился на стуле перед моделью. Потому что дело есть дело. Но прежде, чем взяться за оснастку, Генчик подмигнул синему пружинчику – тот сидел на палубе у передней мачты...

– Ты, кажется, поинтересовался, как мне спалось? – переспросила Зоя Ипполитовна. – Благодарю. Довольно сносно...

Генчик смутился.

– Это я пружинчика спросил. Вот его...

– А! Думаю, что ему снилось кругосветное путешествие... А тебе?

– А мне ничего. Уснул – будто выключился насовсем. Я всегда крепко сплю...

– Счастливый человек... И, судя по твоему бодрому виду, настроение у тебя прекрасное.

Не то, что вчера. А?

– Конечно! Вчера меня шпана ловила, а сегодня я с хорошим человеком подружился. Знаете с кем? С тем спасателем, который меня вчера на моторке увез. А сегодня он меня опять сюда переправил!..

Генчик с подробностями рассказал все, что случилось. И про аварию, и про волны, и про парус. И про Петину печально-романтическую судьбу.

Но работал Генчик не только языком, а еще и пальцами. Вернее, пальцы работали сами. Они уже привыкли к делу и машинально вязали узелки на тугих нитях стоячего такелажа.

Узнав о причине, по которой Петю сослали на Верх-Утятинское озеро, Зоя Ипполитовна вскинула голову:

– Подумать только! Значит, есть еще рыцари в наше время!

– Да!

– А на первый взгляд он показался мне... как-то несколько простоват.

– Внешность бывает обманчива, – умудренно заметил Генчик.

– Ты прав...

– А знаете, что Петя мне показал? Беседочный узел! Вы умеете его вязать?

– М-м... Увы, не помню.

– Хотите, покажу? – Генчик радостно крутнулся вместе со стулом. – Только надо веревку...

– Хорошо. Ты уже вон сколько выбленок привязал, тебе необходима разрядка. Идем.

Они вышли на заросший двор. Зоя Ипполитовна сняла с гвоздя на заборе моток толстого бельевого шнура. Генчик, горя вдохновением, вмиг забрался по кривому стволу на старую яблоню. Там, в трех метрах от земли, привязал шнур к толстой ветке. И съехал по нему вниз.

– Ты как Тарзан...

– Ага!... А можно отрезать лишнее? А то неудобно завязывать.

– Что делать, режь... – Зоя Ипполитовна принесла кухонный нож. И Генчик опять вспомнил девочку, которая сравнила его с чайником. И стало еще веселее.

Генчик лихо перепилил шнур и зажал в правой ладони капроновый разлохмаченный конец.

– Смотрите! Р-раз! Два! Три!... – Он раскинул руки, поджал ноги и полетел над травой, схваченный широкою петлей. Давило под мышками, резало грудь, и все же полет был радостный! Ветер ерошил волосы, свистела и чиркала по ногам трава...

– Постой, постой! Как бы не было беды!

– Не будет! – Генчик затормозил сандалиями. – Петля ведь не затягивается!

– Я боюсь, что обломится сук.

– Что вы! Я же легонький!... Я иногда вообще летаю по воздуху!

– Да? Каким же образом?

– Вот таким! – Генчик выскользнул из беседочной петли, встал на цыпочки и опять раскинул руки. – Разбежусь вниз по улице, а там овраг. И я над склоном – ж-ж-ж... На посадку. Там мягко...

– А! Понимаю! Когда летишь над склоном, кажется, что полет замедляется! И ты – как птица... Правда?

Генчик опустил руки.

– Правда... А вы откуда знаете?

– Голубчик мой! Я ведь не всегда была старой развалиной! Когда-то мне тоже было десять лет. И сейчас кажется, что не так уж давно... Не веришь?

– Почему же? Я верю! – Генчику подумалось, что Зоя Ипполитовна была похожа на ту девочку – защитницу зелени в овраге.

– Это хорошо, что кто-то еще верит... – Зоя Ипполитовна замолчала, покивала своим мыслям и присела на бревно. Оно лежало в лопухах у забора.

Генчик потоптался рядом с повисшей веревкой. Шагнул к забору и тоже сел. На другой конец бревна.

– Зоя Ипполитовна... – Он слегка спотыкался на ее длинном имени.

– Что, друг мой?

– Значит... вы тоже летали?

– А как же! Я была совсем не пай-девочка. Вечно ходила с перевязанными коленками. Причем ссадины были настоящие, не как у некоторых... – Квадратные очки блеснули.

Генчик шмыгнул носом с дурашливой виноватостью.

– У меня ведь тоже бывают настоящие. Полным-полно...

– А летала я по-всякому. И над откосом, как ты, и на больших качелях, и с обрыва в воду... Чаше всего не одна, а со своим другом. С Ревчиком. Жили мы в одном дворе и учились в одном классе...

– Как его звали-то? – не понял Генчик.

– Звали его Тима. А фамилия немножко странная – Ревва. Через «е» и с двумя «вэ». Вот я и звала его «Ревчик». А вредные мальчишки, разумеется, дразнили – «Рёва».

– А он что... разве часто слезы пускал? – Генчику стало неловко за давнего незнакомого Ревчика.

– Совсе нет! Но по характеру был тихий, совсем не драчун, а таких часто обижают. И мне приходилось за него заступаться. И учить всяким проделкам. В проделках я всегда была первая. Впрочем, он не отставал...

– А говорите, что тихий...

– Тихий – это ведь не значит боязливый... Больше всего мы любили летать с плотины. В жаркие дни... Недалеко от дома был пруд с плотиной... Возьмемся за руки, разбежимся – и в воду. Как можно дальше! И вот это время – от края плотины до воды – был настоящий полет... А потом брызги и прохлада. Вода была зеленая, прозрачная, мы ныряли с открытыми глазами и в глубине отлично видели друг друга. Дурачились, играли в догонялки... Боже мой, это ведь все было на самом деле...

Зоя Ипполитовна сняла очки и стала протирать их концом косынки, надетой как галстук. Генчик неловко поднялся.

– Надо вязать дальше. Там еще полным-полно работы...

– Сначала я напою тебя чаем! С ореховым печеньем!

– Нет, сперва довяжу до марсовой площадки...

В комнате Зоя Ипполитовна села недалеко от Генчика. Стала смотреть, как он укрепляет на вантах ступеньки.

– Удивительные пальцы... Бубенчик, я не мешаю тебе своей пристальностью?

– Не-а... Зоя Ипполитовна, можно спросить?

– Пожалуйста!

– А вот вчера... вы меня только из-за пальцев увезли с собой? Или...

– Что «или»?

– Или решили защитить от тех... потому что вспомнили, как заступались за Ревчика?

– Гм... Вам, молодой человек, не откажешь в проницательности... Хотя должна сказать, что Ревчика я обрисовала не совсем правильно. Не был он таким уж тихоней. И однажды, когда ко мне привязались хулиганы, очень даже отчаянно полез в драку... А потом и профессию выбрал себе храбрую...

– Летчика, да?

– Угадал...

Зоя Ипполитовна, кажется, опять загрустила.

Генчик подумал: спросить или лучше не надо? И не удержался:

– Зоя Ипполитовна... Он потом на войне погиб, да?

– Что?... Нет, вовсе он не погиб. С чего ты взял? Да и не было уже войны, когда он окончил училище... Он был летчиком на Севере, в геологоразведке. А потом... что с ним стало потом, я не знаю...

– А почему вы... – И Генчик сбился. Даже пальцы в нитках запутались. Он засопел.

– Я понимаю, что ты хочешь спросить. Почему не поженились, когда выросли?

Генчик сопел и, кажется, розовел ушами. У Зои Ипполитовны очки поехали на кончик носа. Она пальцем вернула их на переносицу.

– Видишь ли, голубчик, не всегда детская дружба кончается свадьбой... Когда выросли, появились у каждого свои сердечные увлечения. Дело обычное. После школы он уехал. Была, конечно, переписка и встречи, но чем дальше, тем реже. Наконец я с мужем переехала на время в Москву, Ревчик тоже сменил место службы, адреса затерялись...

– Жалко... – тихо выдохнул Генчик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.